

Сорель Альбер

Европа и французская революция
(L'Europe et la révolution française)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А56

А56 **Альбер С.**
Европа и французская революция: (L'Europe et la révolution française) / Сорель Альбер –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 502 с.

ISBN 978-5-519-74971-8

ISBN 978-5-519-74971-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лиція прийдець вь себя и сплотится. Дипломатическую кампанію онъ долженъ былъ вести подобно военной—при помощи сильныхъ и согласованныхъ комбинацій, при помощи тяжелыхъ ударовъ, наносимыхъ глубоко. Свои планы онъ строить вь виду тѣхъ намѣреній, которыя онъ приписываеь коалиціи и приписываеь очень вѣрно. Австрія желала вырвать у него Италію—онъ изгонитъ ее оттуда; Пруссія хотѣла оспаривать у него Германію, онъ устраниць ее съ этого пути. Но сдѣлать это съ ними онъ можетъ только поочередно, раздѣляя ихъ, какъ на войнѣ. Ему неизвѣстны злополучія русскихъ, ихъ упадокъ духа. Онъ опредѣляетъ вь 100,000 человекъ австрійскія войска, которыя подводятъ два эрцгерцога; прибавьте сюда пруссаковъ и шведовъ, быть можетъ, 250,000 ¹⁾; всего 350,000 человекъ, съ которыми ему предстоитъ дѣло, не включая вь это число русскихъ. Итакъ первая задача, это—отдѣлить Россію отъ Австріи. Союзники даютъ ему подходящій для этого случай.

Францъ II искалъ вступить вь переговоры съ Наполеономъ. Свиданіе имѣло мѣсто на аванпостахъ, четвертаго декабря,—первое свиданіе этихъ двухъ человекъ, которыхъ судьба предназначила къ столь удивительнымъ встрѣчамъ. Францъ II, очень ограниченный, очень поверхностный и ретроградъ вь душѣ, олицетворенная пустота вь парадной формѣ, не выразилъ даже любопытства узнать своего побѣдителя; человекъ вь одно и то же время упрямый, напыщенный и мелочной. Наполеонъ сначала суровый, потомъ уступчивый, счастливецъ-солдатъ, наслаждающійся почетомъ, гордится тѣмъ, что держитъ себя на равной ногѣ съ этимъ Габсбургомъ ²⁾. Францъ требовалъ именно того, что Наполеонъ желалъ уступить: перемирія. «Русская армія окружена, говоритъ Наполеонъ, ни одинъ человекъ не можетъ ускользнуть.... но, продолжаетъ онъ, я желаю сдѣлать нѣчто пріятное императору Александру. Я позволю уйти русской арміи... но Вы, Ваше Величество, обѣщаете мнѣ, что эта армія возвратится вь Россію и очиститъ Германію и Австрійскую и Прусскую Польшу... Это есть желаніе императора Александра». Они говорили о мирѣ. Наполеонъ пытался сдѣлать рѣшительный шагъ—то великодушное предложеніе, которое, какъ многіе упрекають его, онъ не сумѣлъ ни преподнести ни настоять на немъ. Онъ говоритъ, что не потребуетъ никакихъ территоріальныхъ уступокъ со стороны Австріи, если Россія примкнетъ къ миру и закроетъ свои границы для англійской торговли; вь противномъ случаѣ онъ-де потребуетъ Венеціанскую область для Итальянскаго коро-

¹⁾ Эти цифры даетъ Гарденбергъ. Ranke t. V, p. 226.

²⁾ См. Bulletin отъ 5 декабря; Наполеонъ къ Таллейрану, 4 декабря 1805 г.

левства и Тироль для Баваріи. Францъ спорилъ, сомнѣваясь, чтобы Александръ далъ свое согласіе. Онъ умолилъ Наполеона отказаться отъ Тироля и успѣлъ въ этомъ, но онъ долженъ былъ обѣзаться, что онъ отброситъ отъ своихъ владѣній пруссаковъ, если-бъ они выступили въ походъ въ согласіи съ Россіей. «Я могъ произвести раздѣлъ Австріи, говорилъ потомъ Наполеонъ, я положился на обѣщанія императора и на силу полученнаго имъ урока» ¹⁾. Свиданіе заканчивается слѣдующими словами Наполеона: «Итакъ, ваше величество обѣщаетъ мнѣ не начинать спова войны?». Францъ II поклялся, и они обнялись. Садясь на лошадь Наполеонъ говоритъ своимъ офицерамъ: «Мы возвращаемся въ Парижъ. Миръ готовъ». Онъ надѣялся привлечь на свою сторону Александра; это значило слишкомъ забѣгать впередъ. Александръ былъ еще слишкомъ неопытенъ въ войнѣ, еще слишкомъ мало отказался отъ своего высокомерія, чтобы страшное приключеніе 2 декабря привело его къ раскаянію. Если онъ и призналъ превосходство Наполеона, то отъ этого еще сильнѣе чувствовалъ оскорбительную горечь его побѣды.

Ночь со 2 на 3 онъ провелъ въ подавленномъ состояніи, блуждая вокругъ поля битвы, разыскивая свои разсѣяныя войска, испытывая ужасы ничтожества,—ничтожества своей арміи, разбросанной въ видѣ группъ и хрипящихъ раненныхъ; ничтожества своей души; ожидавшійся смертельный ударъ не былъ нанесенъ; императорскій геііи не выказался ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ изъ тѣхъ великихъ распоряженій, въ которыхъ обнаруживается интуиція настоящаго полководца. Онъ прошелъ черезъ поле битвы, бѣжалъ отъ этого зрѣлища пораженія, ужасался самого себя, оплакивалъ своихъ мертвыхъ, изумлялся до муки своей незначительности въ этомъ важномъ дѣлѣ своего царствованія, его бросалъ въ разныя стороны этотъ водоворотъ, подобно послѣднему изъ его солдатъ; онъ ожидалъ инициативы отъ другихъ, въ то время какъ всѣ ждали ее отъ него. Очутившись среди своихъ, онъ овладѣлъ собою съ единственнымъ желаніемъ—уйти, и какъ можно скорѣе, съ этого моравскаго кладбища; конечно, униженный, но не убѣжденный, не смирившійся, будучи слишкомъ полтикомъ по инстинкту, чтобы даже въ этомъ состояніи страшной моральной подавленности отказаться отъ борьбы, не собравъ своихъ силъ и не убѣдившись въ намѣреніяхъ пруссаковъ; чтобы, наконецъ, за недостаткомъ энергій, не показать въ этомъ крахѣ свою стыдливость и неизмѣнное изыщество формы, жеста и слова. Пятаго декабря утромъ, Савари со стороны Наполеона и генералъ Штуттенгеймъ со стороны

¹⁾ Къ Коленкуру, 6 марта 1809 г. Петроспективно. *Lecestre*, t. I, p. 291.

Франца II явились въ его главную квартиру. Сначала онъ принялъ Штуттенгейма, который освѣдомляетъ его объ условіяхъ перемирія и мира, дебатировавшихся между двумя императорами. Александръ отклонилъ идею мира. Относительно перемирія: «Я, говоритъ онъ не безъ надменности, привелъ мою армію для помощи Австріи. Я отведу ее назадъ, если Австрія болѣе не требуетъ моей помощи». Потомъ онъ приказалъ призвать Савари. Какъ удивительный артистъ по природѣ онъ, конечно, становится въ позу и фразируетъ, какъ только почувствовалъ себя на своей театральной сценѣ, въ своей роли прельстителя: «Скажите вашему повелителю, что онъ совершилъ чудеса.—Государь, это—искусство войны... это—сороковая битва императора.—Это вѣрно; онъ великій полководецъ. Что касается меня, то я въ первый разъ вижу огонь.—Государь, ставъ опытнымъ, вы, быть можетъ, превзойдете его... Я имѣю приказъ императора распорядиться, чтобы ваше отступление было гарантировано, ибо императоръ желаетъ уважать друга перваго консула.—Какая нужна для этого гарантія?—Ваше слово, Государь.—Я даю его ему».

Это уже тонъ Тильзита. Это діалоги *à la russe*, отличающіеся столь рѣзкой откровенностію и столь обманчивымъ довѣріемъ. Перемиріе съ Австріей было подписано 6 числа ¹⁾). Александръ отправился на почтовыхъ, а его армія отступала съ трудомъ, потерявъ свой обозъ, свой багажъ, свои пушки. Наполеонъ щадилъ русскихъ, избавивъ ихъ отъ капитуляціи, — болѣе того: вспоминая тѣ выгоды, которыя ему доставило возвращеніе плѣнныхъ во время Павла I, онъ отослалъ царю его гвардейцевъ, которыхъ захватилъ и съ которыми не зналъ, что дѣлать. Въ военномъ французскомъ кругу смотрѣли на этотъ актъ какъ на поступокъ тщеславный или какъ на хитрость. «Щадить ихъ, теперь, говоритъ суровый солдатъ Вандамъ, совершенно не признающій этого придворнаго рыцарства,—значить желать, чтобы черезъ шесть лѣтъ они были въ Парижѣ».

Францъ II заявлялъ, что «никакая европейская армія не можетъ вступить на территорію австрійскаго дома». Русскіе оставляли ее, пруссаки не придутъ туда. Наполеонъ сразу показывалъ съ ихъ вмѣшательствомъ. Онъ рассчитывалъ устранить ихъ со своего пути и заставить ихъ вступить въ сдѣлку раньше, чѣмъ они успѣли бы столкнуться съ русскими. Онъ принимаетъ относительно ихъ свои рѣшенія: исключить ихъ изъ участія въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, лишить ихъ всякаго уваженія, заставить ихъ нарушить данныя ими обязательства,

¹⁾ De Clercq, t. II, p. 134.

поработить ихъ, подкупить ихъ, если они протянутъ руку, потомъ уни-
зить ихъ передъ Европой и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Гаугвицъ—
вчерашній вершитель мира, отнынѣ уже угодливый посредникъ, дожи-
дается въ передней. Наполеонъ будетъ держать его въ неопредѣленномъ
положеніи, пока не поведетъ переговоровъ съ Австріей и не перемѣнитъ
роли: вмѣсто того, чтобы принимать ультиматумъ отъ этого пруссака,
онъ потребуетъ отъ него, и съ большою надменностію, объясненій; за-
тѣмъ, когда, такимъ образомъ будетъ разстроено вмѣшательство, онъ отпу-
ститъ его, довольнаго даже и тѣмъ, что онъ остался живъ, что его
экипажъ катится по направленію къ Берлину, и что въ его портфель
лежитъ договоръ, хотя и полученный въ видѣ подачки.

Въ Вѣнѣ Гаугвицъ узнаетъ одно за другимъ о неудачѣ союзниковъ,
свиданіи императоровъ, продиктованномъ перемиріи, о переговорахъ отно-
сительно отдѣльнаго мира съ Австріей, объ отступленіи русскихъ. «Я
замѣтилъ по его поведенію, пишетъ Таллейранъ, что доминирующее чувство
его двора есть страхъ». Таллейранъ не зналъ о Потсдамскомъ договорѣ
и не вѣрнулъ въ вооруженія Пруссіи, и это служить для него поводомъ,
чтобы софистовать умѣренность и развивать свою излюбленную тему—
соглашеніе съ Австріей: Она уже не монархія Карла Пятаго. Она болѣе
не страшна и необходима, чтобы служить барьеромъ противъ варварской
Россіи. «Безъ нея невозможно будетъ спасти цивилизованныя націи. Импе-
раторъ можетъ разбить ее; но послѣ этого не возстановитъ ему ея.
Пусть онъ бережетъ ее, пусть великодушно протянетъ ей руку, пусть
предложитъ ей союзъ и сдѣлаетъ его возможнымъ и искреннимъ, сдѣ-
лавъ его выгоднымъ. Франція достаточно велика» ¹⁾. Таллейранъ въ тиши
своей покойной вѣнской канцеляріи съ легкостію набрасываетъ эти
планы. Наполеонъ еще живо чувствуетъ боль отъ жестокаго аустер-
лицкаго штурма. Если ему дышется свободнѣе со стороны русскихъ, то
другой бокъ, на который давятъ пруссаки, не свободенъ, и Австрія во-
все не положила оружія. Не одумается ли она, не двинется ли впередъ
Пруссія, не возвратятся ли русскіе, и послѣ того какъ миръ подписанъ,
послѣ того какъ Австрія заставила заплатить себѣ за прекращеніе враж-
дебныхъ дѣйствій, не воспользуется ли она пощадою, оказанною побѣди-
телемъ, чтобы вновь начать кампанію? Ему вспоминается тройное втор-
женіе въ Италію и необходимость Гогенлиндена, несмотря даже на Ма-
ренго. Можетъ ли онъ положиться на Франца II, развѣ онъ не есть
именно тотъ императоръ, который въ Кампо-Форміо подписалъ договоръ
съ единственною цѣлю нарушить его въ Раштадтѣ, и который въ Лю-

¹⁾ Talleyrand à Napoléon, 5 décembre 1805. Bertrand.

невилѣ подписалъ трактатъ съ тѣмъ, чтобы въ Петербургѣ и Лондонѣ принять участіе въ коалиціи? Кампо-Формійскій договоръ—предметъ котораго есть обмѣнъ, а не завоеваніе—продолжался восемнадцать мѣсяцевъ; Люневильскій договоръ—договоръ компенсацій—не просуществовалъ пяти лѣтъ, и чтобы получить тотъ и другой договоръ, а также, чтобы гарантировать ихъ, Франція имѣла для этого Пруссію.

Между тѣмъ прусскій нейтралитетъ, сѣставлявшій главную пружину всѣхъ комбинацій Комитета Общественнаго Спасенія, Директоріи, Консулата, будетъ призракомъ, если только подъ нимъ не будетъ скрываться западня. Отнынѣ Франція не можетъ полагаться на этотъ нейтралитетъ. Теперь съ ними можно вести дѣла лишь такъ, какъ это бываесть на войнѣ: поступая осторожно, держа ихъ на должномъ разстояніи, окружая ихъ и постоянно будучи въ состояніи раздавить ихъ. Наполеонъ по движеніямъ ихъ войскъ разгадываесть секреты ихъ дипломатіи. При этомъ освѣщеніи въ проникательныхъ и правдивыхъ рапортахъ Лафореста ¹⁾ онъ читаесть, что партія войны забираесть силу, что она увлекла за собою королеву, что Гарденбергъ поддался, что Александръ при помощи своихъ эмиссаровъ и своихъ писемъ беретъ верхъ надъ нерѣшительностію Фридриха-Вильгельма. Въмѣстѣ съ болѣе точнымъ знаніемъ грозившей опасности въ Наполеонѣ росло желаніе мести, «въ высшей степени живучее и въ высшей степени злобное», которое никогда не должно было уничтожиться ²⁾. Отвѣтный ударъ раздаесть въ Берлинѣ. Прежде чѣмъ узнать, какъ Наполеонъ встрѣтилъ Гаугвица, тамъ прочитають, въ XXXIV *Бюллетенѣ*, объ отлученіи Гарденберга, того министра, «который, будучи ганноверцемъ по рожденію, не былъ недоступенъ вліянію золотого дождя»; а также узнають слѣдующую угрозу и слѣдующую инсинуацію еще болѣе тревожнаго характера: «Впрочемъ прибавка 150,000 враговъ могла бы имѣть только одинъ результатъ: сдѣлать войну болѣе продолжительною... Можетъ ли Пруссія имѣть друга болѣе прочнаго и болѣе безкорыстнаго, чѣмъ Франція?»

Ахъ, если бы Аустерлицъ произвелъ тѣ «ненечислимые слѣдствія», на которыя Наполеонъ надѣялся одно мгновеніе, которыя воображали себѣ Іосифъ и его друзья въ Парижѣ ³⁾ и Таллейранъ въ Вѣнѣ! Но ничего такого нѣтъ: есть частный и временный миръ, который нужно еще разъ довести до конца съ Австріей, чтобы свободно столковаться сначала съ пруссаками, потомъ съ русскими, чтобы, наконецъ, возвратиться къ точкѣ

¹⁾ Rapports des 14 et 20 novembre, 5 décembre 1805.

²⁾ Lucchesini, 16 janvier, 27 mars, 22 juillet 1806, retrospectifs: impressions de Joséphine, confidences de Joseph.

³⁾ Rapport de Lucchesini, 27 mars 1806.

отправленія—къ булонскому лагерю—противъ Англіи. Парижъ вѣрить въ мѣръ легкій, готовый. Онъ его требуетъ, онъ привѣтствуетъ его радостными криками. Но «не криками — миръ! достигается онъ», пишетъ Наполеонъ Іосифу, выразителю общественной пллюзіи. «Слово миръ не имѣетъ смысла; намъ нуженъ славный миръ» ¹⁾.

Уже десять лѣтъ тѣ же самыя слова и по тѣмъ же мотивамъ повторяли: комитетъ, директоры, консулы, въ отвѣтъ на постоянное требованіе французовъ покончить революцію и войну, обезопасить рейнскую границу.

Наполеонъ не чувствуетъ себя въ состояніи довести Австрію до безсилія; онъ попытается лишь парализовать ее на время, ослабить ее потерями людьми, деньгами, окружить ее соперничающими государствами, аванпостами французской имперіи, и лишитъ ее германскихъ союзовъ, германской помощи. Германія домогается этого отъ него. Австрійскіе уполномоченные прибыли десятаго декабря. Они встрѣтили кліентовъ новаго императора, дипломатовъ Священной Имперіи, которая распатывается и тяготеетъ къ Западной Имперіи. Эти германцы кланяются до земли; они призываютъ небо въ свидѣтели искренности своей клятвы и степени своего нетерпѣнія доказать свою благодарность. Таковы они въ Раштадтѣ во время перваго аукціона, таковы они въ Парпжѣ во время ликвидаціи 1803 г. Наполеонъ удовлетворилъ ихъ. 10 декабря курфюрстъ баварскій былъ сдѣланъ королемъ; 11-го была очередь курфюрста вюртембергскаго; 12-го герцогъ баденскій былъ возведенъ въ великіе герцоги. Всѣмъ были обѣщаны значительныя округа на счетъ Австріи. «Что сказать о Пруссіи? Чего она желаетъ? Объ этомъ я не знаю рѣшительно ничего. Кажется, она отправляетъ армію въ Силезію» ²⁾. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ склоненъ судить по себѣ; но онъ остерегается призвать Гаугвица въ Брюннъ, дать ему такимъ образомъ возможность вступитъ въ переговоры съ австрійцами. Онъ оставляетъ Таллейрана для конференцій съ ними, самъ же отправляется въ Шенбрюннъ. Тамъ-то, 14 декабря въ кабинетѣ Марин-Терезіи принимаетъ онъ прусскаго посланца.

Гаугвицъ является къ нему очень взволнованный ³⁾. Онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы оцѣнить неудачу, онъ, болѣе пораженный рикшетнымъ ударомъ Аустерлица, чѣмъ австрійцы самой битвой; убѣжденный, что одно неосторожное слово съ его стороны можетъ вызвать войну, что эта война будетъ гибельной, что Наполеонъ поспѣшитъ съ своимъ мнѣ-

¹⁾ A Joseph, 13 décembre 1805.

²⁾ Napoléon à Talleyrand, 13 décembre 1805.

³⁾ Ranke, t. V, p. 225: rapport de Haugwitz; t. I. p. 547, commentaire de Hardenberg.

ромъ въ Брюннѣ, чтобы броситься на Пруссію, что онъ уже намѣтилъ свои этапы по Силезіи. Наконецъ, что зналъ онъ, что могъ понять онъ въ потсдамскихъ обязательствахъ? Наполеонъ, побѣдитель и притомъ вооруженный, вовсе не позволить себѣ запутаться въ фальшивыхъ формахъ «деклараци» ¹⁾). Двоедушіе сказалось бы во всей наготѣ, и ничто больше этого не могло бы смутить Гаугвица. Наполеонъ лишь подозрѣвалъ, онъ не имѣлъ увѣренности, и игра его была направлена къ тому, чтобы сорвать маску съ этого пруссака. Имѣя передъ собою развернутую карту Австріи, онъ произнесъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ поступкѣ и съ трудомъ сдерживающагося: «Графъ, я встрѣтилъ васъ въ Брюннѣ съ уваженіемъ должнымъ министру великаго государя, который, во всякомъ случаѣ, возбудилъ во мнѣ увѣренность, что я могъ рассчитывать на его дружбу... Но теперь мнѣ извѣстенъ договоръ, который вы заключили съ врагами Франціи, я знаю, что вы условились съ ними обрушиться на меня съ 180,000 человѣкъ, и больше, если бы это оказалось нужнымъ, въ томъ случаѣ, если я не приму тѣхъ предложеній, которыя вамъ поручено продиктовать мнѣ... И это вы, графъ Гаугвицъ, подписали этотъ договоръ!» Гаугвицъ сумѣлъ остаться наружно «безстрастнымъ». Буря миновала. Наполеонъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Долгорукимъ ²⁾). Въѣсто того, чтобы утратить Гаугвица, онъ придалъ ему увѣренности. Гаугвицъ догадался, что Наполеонъ не зналъ объ потсдамскомъ секретѣ. Никакой *договоръ*, ни по формѣ, ни по названію, не былъ подписанъ 3 ноября 1805 г. Были подписаны два акта: *конвенція*, не составлявшая секрета, которою Пруссія, въ качествѣ посредницы, обязывалась представить Наполеону основанія для переговоровъ, составлявшихъ *минимумъ* условій мира, и *декларация*, которою она обѣщала, если бы Наполеонъ отказался вести переговоры на этихъ основаніяхъ, быть за-одно съ Англіей, Россіей и Австріей, чтобы принудить Францію къ условіямъ 11 апрѣля 1805 года, составлявшимъ дѣйствительныя условія мира союзниковъ. Это и были именно тѣ условія, которые Долгорукій въ своемъ бахвальствѣ раскрылъ Наполеону. Но они еще не были условіями со стороны Пруссіи, ибо Пруссія еще не поставила ихъ передъ Наполеономъ, и Наполеонъ не могъ поэтому отвергнуть ихъ. *Cusus foederis* потсдамской деклараціи не существовалъ. Присоединеніе Пруссіи къ коалиціи оставалось потенциальнымъ, условнымъ, и Гаугвицъ могъ безнаказанно отрицать его. Онъ, считая себя попавшимъ въ ловушку,—видитъ, что передъ нимъ открывается удобный выходъ. такъ благоразумно придуманный въ Берлинѣ съ цѣлію обмануть Наполеона.

¹⁾ См. т. VI, стр. 402.

²⁾ См. т. VI, стр. 415.

Съ возможностью говорить двусмысленно у Гаугвица снова появляется вѣтра въ свое искусство. И такъ какъ Наполеонъ опять повторялъ ему: «Но вы, вы подписали этотъ договоръ, и вы, вы тоже подписали его!» Гаугвицъ, умѣло играя словами, отвѣчаетъ:—«И если бы еще сегодня нужно было подписать его, государь, я сдѣлалъ бы это, увѣренный, что никогда Пруссія не могла дать болѣе убѣдительнаго доказательства своей любви къ миру и своей пріязни къ Франціи, какъ именно этой потедамской конвенціей». Наполеонъ допрашивалъ его о договорѣ, то-есть секретной *декларации*, заключавшей русскія условія, о которыхъ говорилъ Долгорукій,—условія о старыхъ границахъ, Гаугвицъ же, искусно отвертѣлся, заговоривъ о границахъ по люневильскому договору и о *конвенціи*, заключавшей въ себѣ минимальныя условія для переговоровъ. Онъ продолжаетъ: «Такъ какъ вашему императорскому величеству извѣстны предложенія Россіи и тѣ, которыя я долженъ изложить вамъ, то достаточно простого сравненія ихъ, чтобы съ очевидностію доказать, до какой степени Пруссія явилась защитницею интересовъ Франціи въ поднятомъ вопросѣ, который вы такъ славно отстаиваете». Наполеонъ продолжаетъ:—«Король своимъ присоединеніемъ къ коалиціи объявилъ мнѣ войну. Нужно попробовать счастья...» Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ, подойдя къ Гаугвицу, сказалъ: «Графъ Гаугвицъ, мое сердце говоритъ мнѣ, что Пруссія, присоединившись къ моимъ врагамъ, сдѣлала мнѣ вызовъ, и я долженъ принять его. Поведеніе, какого держались по отношенію къ моимъ посланникамъ, унизило меня въ глазахъ моей націи. Мое сердце озлоблено, но мой умъ отвѣчаетъ на это и спрашиваетъ у меня, къ чему можетъ повести эта война съ Пруссіей, почему двѣ націи, созданныя для взаимной любви и уваженія, стапуть биться между собою и глубоко терзать, такимъ образомъ, самихъ себя?» Онъ припомнилъ, что прусскій король первымъ призналъ его династію. Затѣмъ, рѣшивъ, что онъ достаточно помучилъ Гаугвица, онъ отпустилъ его, сказавъ: «Въ этотъ моментъ, когда мы разговариваемъ, Таллейранъ, быть можетъ, уже подписалъ миръ съ Австріей, и я не знаю, какія отношенія предстоятъ намъ въ будущемъ... До пріятнаго свиданія!»

Это свиданіе до нѣкоторой степени успокоило его относительно намѣреній Пруссіи. Курьеръ, посланный Таллейраномъ, привезъ ему сообщеніе о первой конференціи съ австрійцами ¹⁾, происходившей 13 декабря. Они отказываются отъ Венеціи и Береговой полосы; они уступаютъ Тироль великому герцогу курфюрсту зальцбургскому; они соглашаются отложить до общаго мира вопросъ о раздѣленіи двухъ коронъ въ Италиі;

¹⁾ Rapport de Talleyrand, Brunn, 13 décembre 1805. Cf. Beer, p. 202—203.

но они не соглашаются на пятьдесят миллионъ франковъ контрибуціи ¹⁾, не даютъ согласія относительно Истріи и Далмаціи, они рѣшительно противъ присутствія французовъ въ Албаніи, они требуютъ компенсацій—Рагузы и курфюршества зальцбургскаго, наконецъ, они требуютъ ганноверское курфюршество для одного эрцгерцога. Это требованіе изумило Таллейрана, онъ усматриваетъ въ немъ средство разсорить Австрію съ Англіей, Россіей, Пруссіей, но видитъ также и результатъ этого—отдѣленіе Пруссіи отъ Франціи и упроченіе Австріи въ Сѣверной Германіи.

Наполеонъ видитъ въ этомъ соблазнительный маневръ. Его оскорбленное чувство сдается передъ очевиднымъ интересомъ. Онъ велъ переговоры такъ, какъ и сражался,—ради результатовъ: еще одинъ разъ онъ дѣлаетъ попытку относительно прусскаго союза, и на этотъ разъ вѣрить въ удачу. Онъ сейчасъ же черезъ Дюрока опять призываетъ Гаугвица. Къ вечеру прусскій посолъ прибылъ въ Шенбрюннъ. Этотъ пріемъ слишкомъ отличался отъ утренняго. «Миръ не подписанъ, говоритъ Наполеонъ, это несправедливо; быть можетъ, добрый геній Франціи и Пруссіи удержалъ перо уполномоченныхъ... Они лукавцы, эти австрійцы; и на этотъ разъ, быть можетъ, имъ придется раскаяться. Еще сегодня утромъ я думалъ, что война съ Пруссіей была неизбежна; и теперь—если вы желаете этого, если вы можете подписать со мною договоръ, который я предложу вамъ, то вы получите то, что въ концѣ концовъ должно въ высшей степени интересовать васъ, а я получу залогъ дружбы съ королемъ; единеніе между Франціей и Пруссіей будетъ упрочено навсегда...» Тогда, чтобы убѣдить Гаугвица, онъ показалъ ему письмо Таллейрана. Это былъ его автографъ. Гаугвицъ зналъ его руку, онъ ничуть не сомнѣвался въ подлинности документа. Онъ прочиталъ, что Австрія требовала Ганновера для одного эрцгерцога. Шансы перемѣнились. По какой-то необыкновенной случайности, этотъ дипломатъ—такъ умѣвшій ускользать, замѣшкался. Онъ принялъ предложеніе.

Наполеонъ объясняется, очаровывая своими предложеніями, замѣчательною проницательностію ума, своею манерою строить будущее и творить исторію: «Рѣшительно нѣтъ никакой альтернативы, говоритъ онъ. Я желаю мира на континентѣ; желаю его для того, чтобы покончить съ Англіей. Отъ меня зависитъ выбрать союзъ съ Австріей, съ Пруссіей или съ Россіей... Вы сами знаете, что мнѣ ничего не стоило бы имѣть союзницей Австрію. Но мнѣ противно вступать въ союзъ съ державою, которую я только что разгромилъ... Впрочемъ этотъ союзъ

¹⁾ Сорель т. VI, стр. 416.

не во вкусъ моей націи, съ которымъ я считаюсь гораздо больше, чѣмъ это думаютъ. Что касается Россіи, то она будетъ со мною,—не сейчасъ, но черезъ годъ, черезъ два, черезъ три. Время сглаживаетъ всѣ воспоминанія, и этотъ союзъ, быть можетъ, былъ бы для меня самымъ подходящимъ...» Онъ продолжалъ: «Не наступилъ ли для Пруссіи моментъ довершить дѣло Фридриха? Вамъ не хватаетъ части Силезіи». Гаугвицъ, какъ только улучилъ возможность вставить слово, сейчасъ же выдвинулъ свою любимую идею: тройственный союзъ Франціи, Пруссіи и Россіи. «Ну хорошо, сказалъ Наполеонъ, ничего другого я и не желаю... И королю предстоитъ оказать эту великую услугу міру... Но для этого нужны продолжительные и трудные переговоры. Теперь время не терпитъ; наши арміи скоро будутъ стоять одна противъ другой». Онъ желаетъ добиться отъ Пруссіи полной гарантіи: «Думаете ли вы, что безъ этой гарантіи я могъ бы рѣшиться отвести мои войска на берега океана?... Къ какому результату приведетъ это, если даже и предположить, что сейчасъ же не вспыхнетъ зойна между Франціей и Пруссіей? Я опять возьму то, что я завоевалъ, я опять укрѣплюсь въ Ганноверѣ. Мои войска останутся въ Имперіи и въ Голландіи, и король точно такъ же окажется вынужденнымъ принять противъ меня угрожающее положеніе, хотя бы и съ единственною цѣлію защищать свои владѣнія». Договоръ, во время подписанный, могъ избавить отъ этого. Наполеонъ предложилъ его, Гаугвицъ принялъ его. Присутствовавшій при разговорѣ Дюрюкъ началъ писать. Параграфы были набросаны во время засѣданія: ¹⁾—Союзъ наступательный и оборонительный. Пруссійскій король вступитъ, со всею полнотою власти, во владѣніе нѣмецкими землями англійскаго короля—Ганноверомъ. Онъ уступаетъ Баварскому королю Ансбахъ, Наполеону—княжество Невшателъское, Клевенъ онъ отдаетъ въ распоряженіе принца, котораго укажетъ Наполеонъ. Пруссійскій король гарантируетъ королевство Баварское, государства Вюртембергское и Баденъ, съ ихъ расширеніями, указанными въ договорѣ, «государства принадлежащія Франціи со всѣми увеличеніями, какія она можетъ пріобрѣсть въ Италіи»; независимость и цѣлость Оттоманской имперіи. Обмѣнъ ратификацій совершится въ трехнедѣльный срокъ.

Когда эти условія были приняты въ принципѣ, Наполеонъ написалъ Таллейрану: «Я вижу, что миръ еще не будетъ подписанъ на слѣдующей недѣлѣ. Я несколько объ этомъ не жалѣю. Дѣло усложняется, какъ это вы увидите изъ моей сегодняшней конференціи съ Гаугвицемъ. ... Увѣренный въ Пруссіи, я заставляю Австрію пойти по тому пути, каковой будетъ мнѣ желателенъ. Точно такъ же я заставляю Пруссію выска-

¹⁾ De Clercq, t. II, p. 143.